

© 2001 г., ЭО, №6

Ю.И. Семенов

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР В «ЭПОХУ» БРОМЛЕЯ (ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ)

Хотя слово «эпоха» в названии статьи и взято в кавычки, тем не менее оно и без них вполне применимо ко времени, когда Ю.В. Бромлей был директором Института этнографии АН СССР. Он руководил институтом без малого четверть века (1966–1989 гг.). За данный период многое случилось в жизни этого научного учреждения. Однако из огромного множества аспектов его истории я остановлюсь лишь на одном – разворачивании в институте исследований истории первобытного общества и роли в этом Ю.В. Бромлея. Я делаю так потому, что это не только довольно важный эпизод в истории нашей отечественной науки, но и существенная часть моей научной жизни.

Исследованием истории первобытного общества в Институте этнографии занимались и до прихода к руководству в нем Ю.В. Бромлея. Существенный вклад в разработку проблем первобытной истории внесли такие корифеи нашей этнографической науки, как С.П. Толстов, А.М. Золотарев, С.А. Токарев, М.О. Косвен, Б.О. Долгих, Л.П. Потапов. Если ограничиться лишь послевоенным временем, то в этот период институтом в новой серии его трудов (ТИЭ) было опубликовано несколько сборников, из числа которых можно особо отметить «Родовое общество. Этнографические материалы и исследования» (М.: ТИЭ, 1951. Т. 14), «Происхождение человека и раннее расселение человечества» (М.: ТИЭ, 1951. Т. 16), «Проблемы истории первобытного общества. Сборник статей» (М.; Л.: ТИЭ, 1960. Т. 54), «Океанийский этнографический сборник» (М.: ТИЭ, 1957. Т. 38), «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований» (М.: ТИЭ, 1959. Т. 51), «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов» (М.; Л.: ТИЭ, 1962. Т. 80). Увидели свет монографии А.И. Першица «Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX в. (Историко-этнографические очерки)» (М.: ТИЭ, 1961. Т. 69), Ю.П. Аверкиевой «Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки» (М.: ТИЭ, 1970. Т. 70), М.О. Косвена «Семейная община и патронимия» (М., 1963). Институтом была подготовлена к печати и издана написанная еще до войны монография А.М. Золотарева «Родовой строй и первобытная мифология» (М., 1964). Масса интереснейшего материала, относящегося к первобытности, содержалась в книге С.П. Толстова «Древний Хорезм» (М., 1948).

При всем при этом исследования первобытности во многом являлись личным делом тех или иных ученых. Они не были в достаточной степени организованы. В институте не имелось особого подразделения, которое специально занималось бы изучением первобытной истории. В какой-то степени координацию этих исследований наряду со своей главной задачей – обсуждение теоретических проблем этнографической науки – осуществляла группа общей этнографии, возглавляемая заместителем директора института М.Г. Левиным. Но эта группа представляла собой лишь совокупность ведущих работников разных секторов, которые собирались от случая к случаю.

Положение изменилось вскоре после прихода Ю.В. Бромлея. В 1967 г. в составе института как особое подразделение со своим штатным составом была создана группа по изучению первобытной истории, которая через 7 лет, в 1974 г., была преобразована в сектор истории первобытного общества. Это стало важным событием в истории разработки проблем первобытности. До этого ни в одном научном учреждении не только у нас, но и в других странах никогда не существовало особого подразделения, которое специально занималось бы историей первобытности.

Самое, пожалуй, интересное, что такое отношение к историологии первобытности¹ не только никак не вытекало из тех взглядов, которые излагались Ю.В. Бромлеем в его трудах, посвященных предмету этнографии, но, наоборот, находилось в противоречии с ними. Согласно его точке зрения, этнография есть наука прежде всего о народах, этносах, а тем самым и о том слое культуры, который он именуется этническим, имея в виду традиционно-бытовую культуру. Но несомненен факт, что этнография всегда, с самого момента своего возникновения, исследовала живые первобытные общества и создавала концепции первобытной истории. Ю.В. Бромлей находит выход из положения в признании того, что этнография наряду с основной предметной областью имеет еще и дополнительную зону изысканий, каковой и является история первобытности².

Утверждая, что изучение первобытности – всего лишь дополнительная предметная область этнографии, Ю.В. Бромлей в то же время всячески способствовал таким исследованиям. И это связано с его несомненным интересом к проблемам первобытной истории, который зародился у него задолго до того, как он занял пост директора Института этнографии. Ю.В. Бромлей начал свою научную деятельность как специалист по истории южных славян, прежде всего хорватов. В процессе исследования его внимание все больше стали привлекать самые ранние стадии истории этого народа. Результатом этого было появление монографии «Становление феодализма в Хорватии» (М., 1964), в которой рассматривался вопрос о переходе хорватов от первобытного общества к классовому. Сделать это было невозможно без обращения к первобытному обществу и к проблеме перехода от него к классовому в более широком масштабе. О том, что этот сюжет давно уже занимал Ю.В. Бромлея, говорит написанная им за 7 лет до этого совместно с А.Я. Гуревичем статья «Возникновение классового общества у древних германцев и славян» («Преподавание истории в школе», 1957. № 5). Не пропал у Ю.В. Бромлея интерес к первобытности и после того, как он занял пост директора Института этнографии. Им было написано еще восемь работ по данной проблематике.

Но главное даже не в этом. Важно то, что на протяжении всего периода своего директорства Ю.В. Бромлей опекал группу, затем сектор истории первобытного общества, оказывал этому подразделению всемерную поддержку, всячески способствовал публикации работ его сотрудников. И дело не сводилось к административной поддержке начинаний сектора. Ю.В. Бромлей способствовал созданию в коллективе сектора такой общей атмосферы, которая благоприятствовала творческой научной работе.

Сейчас стало привычным говорить, что вплоть до начала перестройки в наших общественных науках безраздельно господствовала марксистская идеология и существовало насильственно навязываемое и поддерживаемое сверху единомыслие чуть ли не по всем вопросам. На деле было не совсем так, а может быть, даже и вовсе не так. Это особенно наглядно можно видеть на примере этнографии и историологии первобытности.

Действительно, было время, когда в этой области царил почти полное единомыслие. Оно утвердилось в результате идеологического погрома в 1930-е годы, когда репрессиям подверглось немало этнографов и историков. Всем ученым было предписано считать любые положения, изложенные в книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», абсолютной истиной. Так как Ф. Энгельс в своей работе исходил прежде всего из труда Л.Г. Моргана «Древнее общество»

(1877), то тем самым в ранг абсолютно верных, не подлежащих никакой критике, возводились многие положения моргановской концепции первобытности.

Дело доходило буквально до курьезов. Как известно, Л.Г. Морганом была создана, а Ф. Энгельсом принята схема эволюции брачно-семейных отношений, в которой в качестве основных этапов выступали: промискуитет, кровнородственная семья, семья пуналуа, парная семья и моногамная семья. К выводу о существовании в прошлом человечества кровнородственной семьи и семьи пуналуа Л.Г. Морган пришел прежде всего в результате исследования впервые открытых им классификационных систем родства. Кровнородственная семья была реконструирована (так он сам считал) на основе анализа малайской (гавайской) системы родства, семья пуналуа – на основе анализа турано-ганованской системы.

Но спустя 30 лет после появления книги Л.Г. Morgana выдающийся английский этнолог У. Риверс в 1907 г. неопровержимо доказал, что моргановское понимание соотношения малайской (гавайской) и турано-ганованской систем родства было ошибочным. Не турано-ганованская система произошла из малайской, а наоборот, малайская возникла в результате исчезновения рода из турано-ганованской. Тем самым положения о существовании кровнородственной семьи и семьи пуналуа как стадий развития человеческих брачно-семейных отношений лишились всякого фактического основания³.

Однако в нашей науке и спустя четыре десятка лет после открытия У. Риверса эти положения продолжали приниматься как абсолютно верные. И дело вовсе не в недостатке информации. Не только работы У. Риверса вполне были доступны каждому, знающему английский язык. О его открытиях уже в советское время писал С.А. Токарев в работах «О системах родства австралийцев» («Этнография». 1929. №1), «Родовой строй в Меланезии» («Сов. этнография». 1933. № 2) и «Энгельс и современная этнография» (Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1946. Т. 3. Вып. 3). Но если С.А. Токарев касался этого сюжета в основном попутно, то А.М. Золотарев опровержению моргановской схемы специально посвятил две работы: «К истории ранних форм группового брака» («Уч. зап. Московского областного пединститута». Т. 2. 1940) и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современная наука» («Историк-марксист». 1940. № 12). Д.А. Ольдерогге в работе «Малайская система родства» (М.: ТИЭ, 1951. Т. 14) на довольно большом материале показал правильность положения У. Риверса о первичности турано-ганованской системы родства и вторичности малайской, хотя от каких-либо выводов относительно существования кровнородственной семьи решительно отказался. Таким образом, главными причинами цепляния большинства советских исследователей первобытности за устаревшие положения были неразрывно связанные догматизм и страх за возможные последствия отказа от догм.

После смерти И.В. Сталина (1953) и особенно после XX съезда КПСС (1956) боязнь мыслить иначе, чем велит начальство, стала постепенно проходить. И прежде всего в интересующей нас области знания начинают ставить под сомнение моргановские схемы. В 1954 г. в журнале «Советская этнография» (№ 4) появилась статья Д.Д. Тумаркина «К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XIX – начале XX века». Кратко сказав, с ссылкой на некоторые из названных выше работ А.М. Золотарева и С.А. Токарева, а также на статью Д.А. Ольдерогге, что «советские этнографы уже показали несостоятельность предложенной Морганом схемы развития первобытной семьи в части, касающейся малайской (гавайской) системы родства», автор посвятил статью в основном опровержению положений Morgana о том, что полинезийцы относились к средней ступени дикости и о том, что у них существовал групповой брак и семья пуналуа.

Следующим после начала «оттепели» критическим выступлением по этому вопросу была моя статья «"Происхождение семьи, частной собственности и государства" Ф. Энгельса и современные данные этнографии», опубликованная в журнале «Вопросы философии» (1959. № 7). В ней была детально рассмотрена история вопроса и

показано, что созданная Л.Г. Морганом и принятая Ф. Энгельсом схема развития брака и семьи находится в противоречии с данными современной науки, что таких форм семьи, как кровнородственная семья и семья пуналуа, никогда не существовало. Появление указанных двух работ в значительной степени способствовало освобождению советской исторической и этнологической наук от давивших их догм. В течение последовавших 3–4 лет все упоминания о кровнородственной семье и семье пуналуа исчезли из работ о первобытности.

В эти же годы подверглось критике выдвинутое И. Бахофеном и принятое Л.Г. Морганом и Ф. Энгельсом положение о существовании в прошлом человечества двух эпох, одна из которых – более ранняя – характеризуется господством женщин, а вторая – более поздняя – господством мужчин. Положение о матриархате и патриархате как о последовательно сменяющихся стадиях развития первобытного общества долгие годы повторялось в нашей литературе. В 1955 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 1) была опубликована статья археолога А.Л. Монгайта и этнографа А.И. Першица «Некоторые проблемы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет», в которой доказывалось, что на ранней стадии истории человечества, характеризовавшейся существованием материнского рода, никакого господства женщин не было, и вносилось предложение отказаться от применения термина «матриархат» для обозначения этой эпохи. В моей уже упоминавшейся статье в «Вопросах философии» проблема ставилась еще более радикально. Там указывалось, что далеко не у всех народов материнский род обязательно сменялся отцовским. У одних народов материнский род продолжал существовать вплоть до возникновения классового общества, а у других на смену обществу с материнским родом приходило безродовое первобытное общество, в недрах которого в последующем могли вырваться классовые отношения.

В 1962 г. в моей вышедшей в Красноярске книге «Возникновение человеческого общества» (переиздана в доработанном виде под названием «Как возникло человечество». М., 1966) помимо критики старой моргановской схемы эволюции брачно-семейных отношений были предложены основанная на огромном фактическом материале картина становления человека и человеческого общества вообще и картина становления рода и социальной организации отношений между полами в частности.

После выхода в свет указанных выше работ с требованием еще более радикального пересмотра взглядов на первобытность выступили ленинградский этнограф Н.А. Бутинов в статье «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи» (М.; Л.: ТИЭ, 1962. Т. 80). К нему примкнули этнографы В.Р. Кабо и В.М. Бахта (статьи, опубликованные в сборнике «Проблемы истории докапиталистических обществ». Кн. 1. М., 1968).

Как видно из всего сказанного, основания у них для критики были. Характеризуя положение в этнографической науке в 1950-е и в начале 1960-х годов, я в 1968 г., т.е. в то самое время, писал: «Все положения Моргана, с которыми был согласен Энгельс, рассматривались как абсолютно истинные и не подлежащие обсуждению. В такой обстановке трудно было не только выступить с новыми теоретическими положениями, но и учесть прежние достижения научной мысли, если они предполагали отказ от тех или иных взглядов Моргана. Так, например, несмотря на то, что положение Моргана о существовании в прошлом человечества кровнородственной семьи было убедительно опровергнуто Риверсом еще в 1907 г., вплоть до сравнительно недавнего времени оно излагалось в большинстве работ как абсолютно достоверное. Учение Моргана и сейчас является единственной целостной концепцией первобытности. А между тем оно несомненно устарело. Наукой накоплено огромное количество фактических данных, которые не только не укладываются в рамки концепции Моргана, но и находятся в противоречии с целым рядом его выводов. Таковы, например, факты существования отцовского рода у народов, у которых частной собственности не существовало (австралийцы), и материнского рода у народов, стоявших на пороге классового общества или даже уже перешагнувших его (минангкабау, ашанти и др.). Все эти и им подобные

противоречия невозможно устранить путем внесения поправок в учение Моргана. К настоящему времени настоятельной необходимостью стало создание новой целостной теории первобытности, которая бы согласовывалась со всем имеющимся фактическим материалом. В выступлении названных выше этнографов (Н.А. Бутинова и В.Р. Кабо. – Ю.С.) как раз и нашла свое выражение потребность в создании такой концепции»⁴.

Мало было критиковать Л.Г. Моргана и Ф. Энгельса. Нужно было создать новую концепцию первобытности, которая учитывала бы не только материалы, известные названным исследователям, но и новые факты. А на это Н.А. Бутинов и его единомышленники оказались неспособными. В поисках ответа на те вопросы, которые были поставлены в результате открытия новых фактов, они (кто сознательно, а кто и не очень) потянулись к тем положениям, которых в течение шести десятилетий XX в. придерживались большинство западных этнологов.

Как известно, в последней трети XIX в. в западной науке господствовал эволюционизм, наиболее ярко представленный теорией Л.Г. Моргана. С конца этого столетия эволюционизм стал отвергаться. Одна из причин – выявление новых фактов, которые не укладывались в моргановскую концепцию. Эта причина важная, но не решающая. Если бы дело было просто в фактах, то развитие пошло бы по линии замены эволюционистской концепции, не выдержавшей испытания, другой – более совершенной, но тоже эволюционистской. В данном случае на развитии научной мысли сказались совсем иные факторы, о которых в свое время очень четко сказал видный американский этнолог Л.А. Уайт: «Использование эволюционной теории вообще и теории Л. Моргана, в частности, К. Марксом и радикальным социалистическим рабочим движением вызвало сильную оппозицию со стороны капиталистической системы. Вследствие этого антиэволюционизм стал символом веры определенных слоев общества... Он стал философией оправдания церкви, частной собственности, семьи и капиталистического государства подобно тому, как "социальный дарвинизм" стал философским оправданием безжалостной эксплуатации в промышленности»⁵. На смену эволюционизму с его тяготением к теоретическому осмыслению материала пришли ползучий эмпиризм и антиисторизм. Естественно, что приверженцы узкоэмпирического подхода оказались не в состоянии создать не то что теорию, но вообще сколько-нибудь стоящую концепцию первобытности.

Их общие взгляды сводились к набору нескольких положений. В прошлом человечества никогда не существовало ни промискуитета, ни группового брака. Брак всегда был индивидуальным, а семья, состоящая из мужа, жены и детей, представляла собой универсальную ячейку общества. На протяжении всей первобытности основной ячейкой общества являлась община, которая всегда состояла из семей. Род никогда не был универсальным институтом и всегда играл второстепенную роль. Его функция – только регулирование брачных отношений. Нет оснований говорить о первичности материнского рода и вторичности отцовского. Материнский и отцовский род всегда существовали параллельно в качестве равноправных вариантов.

Все эти положения были приняты Н.А. Бутиновым и его единомышленниками, причем на веру. Я же считал и сейчас считаю их ошибочными. Именно это обстоятельство и определило мое отношение к этому направлению, представители которого упорно выдавали себя за новаторов. Признавая законность выступления Н.А. Бутинова и В.Р. Кабо, я в то же время подверг критике их точку зрения, что и послужило для них основанием зачислить меня в ряды защитников старых догм. Не решаюсь утверждать, что я с самого начала своей научной деятельности был совершенно свободен от догматизма. Изживание всевозможного рода иллюзий и слепой веры в те или иные положения шло постепенно. Но к началу 60-х годов этот процесс был в основе завершен. И, критикуя представителей «нового» направления, я сопоставлял отстаиваемые ими положения не с теми или иными тезисами Л.Г. Моргана и Ф. Энгельса, а с фактами и только фактами.

Действительно, фактами было опровергнуто существование кровнородственной

семьи и семьи пуналуа, а тем самым и тех двух форм группового брака, которые, по мнению Л.Г. Моргана, лежали в основании этих двух форм семьи: группового брака между братьями и сестрами и брака нескольких сестер (другой вариант – нескольких братьев) с группой мужчин (второй вариант – с группой женщин), которые необязательно состояли в родстве друг с другом. Однако никто из антиэволюционистов даже не попытался разобраться в огромном количестве данных, которые приводили эволюционисты в пользу бытия в прошлом человечества промискуитета, и дать им иное истолкование. И тогда, и сейчас эти исследователи делают вид, что таких фактов вообще нет. Они чаще всего утверждали, что существование группы, состоящей из мужчины, женщины и их потомства (элементарной, или нуклеарной семьи), диктуется биологией, о чем свидетельствует существование аналогичных образований у всех крупных антропоидов – ближайших предков человека. Нередко повторяется это и сейчас, хотя исследованиями последних лет абсолютно точно установлено, что ни у одной из крупных человекообразных обезьян такого рода групп не существовало. О том, что бытие элементарной семьи ни в коем случае не обусловлено биологией вида *Homo sapiens*, говорит полное отсутствие ее у целого ряда народов в самом недавнем времени (наяры Кералы XVIII – начала XIX в., на Гималаев).

Иные антиэволюционисты говорили, что они не могут даже представить себе существование в прошлом человека такого «позорного» явления, как промискуитет. По-видимому, они толковали промискуитет как нечто, сходное с так называемым свальным грехом. В действительности промискуитет означал лишь отсутствие в человеческом объединении норм, регулирующих отношения между полами, и больше ничего. И в то время возникали и исчезали пары, причем пары могли быть постоянными и долговременными. Просто не было никаких правил, которые регулировали бы возникновение и исчезновение пар. Примерно такой характер носят сейчас, после свершения «сексуальной революции», добрачные отношения молодых людей в западном, а теперь отчасти и в нашем обществе.

Этнографы XIX в. были людьми, жившими в обществе, которое знало только одну форму брака – брак между индивидами, поэтому, когда анализ ранних форм классификационных систем родства заставил Л.Г. Моргана прийти к выводу о наличии в прошлом группового брака, он, в силу привычных представлений, не смог понять его природы. Л.Г. Морган истолковал данный брак как сумму браков между индивидами. Но такого группового брака никогда и нигде не существовало. В этом смысле оппоненты Л.Г. Моргана были правы. Однако их выводы о бытии в истории человечества только индивидуального брака не соответствовали действительности. Групповой брак реально существовал, но не как сумма индивидуальных браков, а как явление, отличное от индивидуального брака.

Брак вообще есть социальная организация отношений между полами, предполагающая наличие определенных прав и обязанностей между сторонами, состоящими в этой социальной связи. В случае индивидуального брака сторонами являются индивиды, в случае группового – социальные группы, причем не как суммы индивидов, а как определенные целостности.

Самый наглядный пример группового брака – дуально-родовая организация. Каждый из родов, состоящий в ней, абсолютно воспрещая половые отношения между своими членами, тем самым обязывал их искать половых партнеров в союзном роде. Дуально-родовая организация в своем изначальном виде не сохранилась. С распадом каждого из исходных родов на несколько новых она превратилась в дуально-фратриальную организацию, которая хорошо известна этнографам.

И эта организация повсеместно регулировала отношения между полами. Она определяла, кто с кем имеет право вступать в половые отношения, а тем самым и кто с кем имеет право вступать в индивидуальный брак. У большого числа народов такая организация регулирования отношений между полами описана под названием обязательного (предписанного) билатерального (двустороннего) кросскузенного брака. Кроме этой формы группового брака у многих народов имелась другая, которая получила

наименование обязательного (предписанного) матрилиateralного брака.

Таким образом, наличие в первобытном обществе группового брака не предполагало, а несомненный факт. Спорить можно лишь о том, было ли время, когда групповой брак являлся единственно существующим. Спор решают особенности самых ранних классификационных систем родства – австралийских, или дуально-родовых. Эти системы, отображающие, в частности, отношения между полами, совсем не знают отношений между индивидами. В них нет терминов для обозначения мужей и жен. Они знают отношения только между группами индивидов, которым либо категорически запрещается, либо, наоборот, предписывается вступать в половые отношения. И только в более поздних классификационных системах родства появляются термины, обозначающие супругов.

В период безраздельного господства группового брака вступление в половые отношения лиц, принадлежащих к группам, между которыми они были разрешены, определялись лишь взаимными влечениями этих людей. Образовывались пары, причем довольно постоянные и нередко долговременные. Но это не было браком (индивидуальным). Вступление людей в половые отношения не давало им никаких прав друг на друга и не накладывало на них никаких обязанностей.

Кстати сказать, У. Риверс, опровергнув существование кровнородственной семьи и семьи пуналуа, а тем самым и двух форм группового брака, на которых они, по мысли Моргана, зиждились, не выступал против идеи группового брака вообще. Как он указывал, лишь допущение существования в прошлом человечества группового брака (организованного «полового коммунизма») может объяснить происхождение классификационных систем родства⁶.

Вряд ли сейчас необходимо доказывать универсальность не просто даже рода, но дуально-родовой организации в прошлом человечества. Об этом свидетельствуют все собранные к нашему времени этнографией данные. Во всех безродовых первобытных обществах без исключения обнаружены явные пережитки родовой организации.

Л.Г. Морган был не прав, когда жестко связывал смену материнского рода отцовским с возникновением частной собственности. Как уже отмечалось, в одних случаях материнский род мог сохраняться вплоть до возникновения классов и государства и даже позже, а в других отцовский род существовал у народов, у которых не было даже признаков становления частной собственности. Но отсюда никак не следует вывод о том, что материнский и отцовский роды с самого начала существовали и развивались в истории человечества параллельно.

У многих аборигенов Австралии наличествовал отцовский род. Это бесспорно. Большинство австраловедов отмечали и существование племен с материнским родом. Однако к настоящему времени деление австралийских племен на матрилинейные и патрилинейные в значительной степени устарело. Практически у большинства, если не у всех австралийцев, обнаружено сосуществование материнских и отцовских родов, т.е. двойная филиация (double descent). А как признают практически все западные этнографы, наличие двойной филиации свидетельствует о протекании процесса смены материнского рода отцовским⁷. Это означает, что у всех австралийцев первоначально был материнский род.

И мною давно уже было предложено решение вопроса о причине и механизме ранней смены материнского рода отцовским у аборигенов Австралии⁸. Если брать проблему в целом, то общепризнан факт, что в то время, как этнографами зафиксировано огромное число случаев перехода от материнской филиации к отцовской, никогда и нигде в мире не наблюдалась смена отцовского рода материнским⁹. Весь этнографический материал свидетельствует о первичности материнского и вторичности отцовского рода.

Принятие на вооружение пакета антиэволюционистских положений печально сказалося на работах наших «новаторов». Из них наибольшим фанатиком был В.Р. Кабо. Он настолько свято уверовал в абсолютную истинность господствующих в западной этнологической науке положений, что не допускал и мысли о том, что они могут быть

неверными. Помню, когда был опубликован второй том «Истории первобытного общества» (М., 1986) с моей главой, где говорилось о промискуитете, групповом браке и первичности материнского рода, он на одном заседании буквально зашелся в ярости: как все это можно публиковать, ведь это позор; на Западе же придерживаются совершенно иных взглядов. То же он повторил затем в своих мемуарах¹⁰.

Факты интересовали В.Р. Кабо меньше всего. Как в прошлом наши ортодоксы сверяли отстаиваемые тем или иным автором положения не с фактами, а с высказываниями К. Маркса, Ф. Энгельса, Л.Г. Моргана и отвергали их на основании расхождения с последними, так и В.Р. Кабо считал критерием истины согласие не с фактами, а с западными авторитетами, стоящими на антиэволюционистских позициях. И в том, и в другом случае перед нами абсолютно тождественный подход, абсолютно один и тот же способ мышления. И мое счастье, что В.Р. Кабо никогда не обладал властью: иначе ни одна моя работа не вышла бы в свет.

Эта фанатическая убежденность в правоте западных авторитетов сказывалась и на собственных работах В.Р. Кабо. Когда факты вступали в противоречие с разделяемыми им принципами, он их безжалостно уродовал. Ограничусь, одним лишь примером. В.Р. Кабо всецело принял выдвинутое в 1960-е годы австралийским этнографом Л. Хайттом положение о том, что основной единицей традиционного общества аборигенов Австралии была не прочная, постоянная локальная группа, ядром которой являлись мужчины, принадлежавшие к одному роду (родовая община), как считалось раньше, а большая аморфная территориальная община с непостоянным неустойчивым составом, включающая в себя мужчин, принадлежащих к значительному числу разных родов. Особенно доказательны, по мнению В.Р. Кабо, материалы о социальной организации валбири, приведенные в работе австралийского же этнолога М. Меггитта «Люди пустыни. Исследование аборигенов валбири Центральной Австралии».

Стремясь доказать, что подобная община не была новообразованием, связанным с внешними воздействиями, как утверждали многие другие этнографы, В.Р. Кабо категорически утверждает, что племена с такого рода организацией к моменту исследования почти совсем не были затронуты разрушительным влиянием колонизации¹¹. Обращаясь к валбири, он специально подчеркивает, что «до недавнего времени они оставались сравнительно мало затронутыми европейским влиянием и сохраняли традиционные черты общественного строя», что у них лишь в последние годы «произошли некоторые изменения»¹².

Но если мы заглянем в монографию М. Меггитта, то легко убедимся, что эти утверждения не соответствуют действительности. Еще в 1870–1872 гг. по соседству с территорией валбири развернулись работы по прокладке телеграфной линии, вдоль которой стали селиться европейцы и создавать крупные скотоводческие хозяйства. В начале XX в. в районе обитания валбири началась разработка золота. В результате засухи 1924–1929 гг. часть племени вымерла, а оставшиеся в живых рассеялись и стали искать помощи у европейцев. К моменту исследования М. Меггитта (1953–1955 гг.) прежняя социальная организация племени была полностью разрушена. Две трети туземцев обитали в поселках, находившихся под управлением чиновников отдела по туземным делам, а остальные жили при скотоводческих фермах, где их навещали должностные лица того же отдела¹³. Никакой аморфной территориальной общины у валбири сам М. Меггитт не наблюдал. Он ее лишь мысленно реконструировал, что вынужден признать и В.Р. Кабо.

Таким образом, в данном случае мы имеем дело не с описанием наблюдавшейся М. Меггиттом социальной организации, а с его мнением о том, какой она была у валбири в более раннее время. И даже если такая организация действительно существовала у валбири в какие-то десятилетия XX в., то считать ее традиционной очень трудно.

В отличие от В.Р. Кабо Н.А. Бутинов пытался эклектически соединить рассмотренный выше пакет антиэволюционистских тезисов с положениями о развитии первобытного общества, о первобытном коммунизме и т.п. Однако результат был далеко не

лучшим. Его монография «Папуасы Новой Гвинеи» (М., 1968) построена, по моему мнению, на подтасовке данных¹⁴. Не меньшей склонностью к фальсификации фактов отличались В.М. Бахта и еще один представитель того же течения – Н.М. Гиренко¹⁵.

Требую отказа от концепции Л.Г. Моргана, представители этого направления не только не выступали против марксизма, но, напротив, объявляли себя (Н.А. Бутинов скорее всего искренне, Р.А. Кабо, как видно теперь из его мемуаров, не очень) его сторонниками. Как они утверждали, отрицание промискуитета, группового брака, первичности материнского рода не противоречит марксизму вообще и материалистическому пониманию истории в частности. И в этом отношении они были совершенно правы. Все эти проблемы относились к области не философии истории, а двух конкретных наук – этнографии и историологии первобытности.

Попытки обвинить Н.А. Бутинова в антимарксизме не имели под собой основания. Тем не менее на первых порах они предпринимались. В статье четырех этнографов, опубликованной в 1963 г. в «Советской этнографии» (№ 3) содержалось немало совершенно справедливых замечаний, относящихся к названной выше работе Н.А. Бутинова. Но, к сожалению, авторы не удержались от упрека в том, что Н.А. Бутинов «пытается опровергнуть основные положения Энгельса о материнском роде» и тем самым «фактически оказывается в одном лагере с откровенными противниками марксистского учения о первобытности»¹⁶. Попутно в этой статье была затронута и опубликованная в том же сборнике работа В.Р. Кабо.

Однако времена уже были другие и, к счастью, серьезных оргвыводов не последовало. Хотя и с запозданием, но Н.А. Бутинов и В.Р. Кабо получили возможность ответить критикам¹⁷. А в дальнейшем за всеми сторонниками «новаторского» направления было фактически признано право не только придерживаться своих взглядов, но и излагать их в своих работах. Об этом свидетельствуют дискуссии, развернувшиеся в 1960–1970-е годы на страницах журнала «Советская этнография»¹⁸. В советской историологии первобытности с 1960-х годов началось фактическое утверждение плюрализма.

Этому не помешало и наметившееся в то же самое десятилетие и совершенно отчетливо выразившееся к его концу определенное попятное движение в области идеологии. В начале 1970-х годов была насильственно оборвана начавшаяся в 1964 г. оживленная дискуссия об азиатском способе производства. Правда, никого из ее участников не «посадили», как это произошло во время первой такой дискуссии в конце 1920-х – начале 1930-х годов, и даже не выгнали с работы, но рты противникам ортодоксальной точки зрения заткнули прочно – их приказано было не печатать. В 1970 г. был разгромлен сектор методологии истории Института всеобщей истории АН СССР, возглавлявшийся М.Я. Гефтером. В 1974 г. подверглась публичному обсуждению и осуждению группа исследователей истории России эпохи империализма, группировавшихся вокруг директора Института истории СССР П.В. Волобуева, а сам он отстранен от должности.

Иные думают, что изречения, подобные тому, которое навсегда прославило имя нашего экс-премьера В.С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда» – редкость. Но они ошибаются. В конце собрания, на котором громили П.В. Волобуева, выступил инструктор отдела науки ЦК КПСС, куратор Института истории СССР. К сожалению, фамилии его я не запомнил, но зато слова, произнесенные им, навсегда остались в моей памяти. Привожу их почти дословно: «Я понимаю, что ученые всегда стремятся творчески обсуждать все интересующие их вопросы. Одного лишь я понять не могу: ну зачем ученому отсебятина». Лучше охарактеризовать то, что происходило тогда в области исторической науки, невозможно: шла борьба с «отсебятиной».

Но вопреки этим понятным тенденциям «отсебятина» в области историологии первобытного общества продолжалась. И немалая заслуга в этом принадлежит Ю.В. Бромлею. Он был человеком осторожным и искушенным в различного рода интригах, которые велись в научном и околонучном мире. Он никогда не лез на рожон. Но трусом

он тоже никогда не был. Помню, в те дни, когда решалась судьба сектора методологии истории, одна ученая дама назвала его Юлианом Отступником за то, что, подержав вначале идею издания второй книги сборника «Проблемы истории докапиталистических обществ», Ю.В. Бромлей отказался идти в «верхи» с ходатайством о ее публикации. Он не боялся. Он просто знал, что пробить издание книги в данной ситуации невозможно. Лбом стену не прошибешь. Но Ю.В. Бромлей всегда целиком поддерживал взгляд, что споры в области общественных наук совершенно не обязательно являются спорами идеологическими, что выдвигаемые учеными новые положения следует сверять с фактами, а не с мнениями тех или иных авторитетов. И все, что только можно было в тех условиях сделать, чтобы обеспечить развитие науки, он делал. Причем делал без всякого шума и рекламы, что в свое время так много навредило уже упоминавшемуся выше сектору методологии истории.

Если нужно, Ю.В. Бромлей был готов идти на определенный риск. Об этом говорит, в частности, история с моей статьей, написанной в 1974 г., когда я уже работал в Институте этнографии, для секторального сборника «Становление классов и государства». В ней на большом этнографическом материале была разработана теория того способа производства, который было принято именовать азиатским. А тогда все публикации по данной теме были категорически запрещены. Но дело обстояло еще сложнее. К тому времени мне стало совершенно ясно, что никакого социализма в нашей стране не существовало. В СССР и других государствах, принадлежавших к мировой «социалистической» системе, господствовал своеобразный вариант азиатского (я назвал его политарным) способа производства. Общество у нас было антагонистическим, основанным на общеклассовой частной собственности¹⁹. Статья не представляла собой попытки замаскированного этнографическим материалом изображения современного советского общества. Это была сугубо научная работа, посвященная становящемуся (Буганда, банту Южной Африки и т.п.) и уже ставшему (Китай эпохи Западного Чжоу, империя инков) древнему политарному обществу. Но аналогия с СССР была совершенно очевидной. И тем не менее и сектор, и Ученый совет Института этнографии утвердили эту статью к печати.

Статью не напечатали. Заведующий редакцией славяноведения, этнографии и археологии издательства «Наука» Н.П. Бобрик категорически заявил, что сборник не пойдет в печать до тех пор, пока эта статья не будет изъята и заменена другой. Сборник вышел только в 1976 г., но уже с другой моей статьей «Первобытная коммуна и соседская крестьянская община». После нескольких неудачных попыток отвергнутая статья все же была опубликована, правда в сокращенном виде и под невразумительным камуфляжным названием «Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: Прагосударство и аграрные отношения» в сборнике Института востоковедения «Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки» (М., 1980).

В результате проводимой Ю.В. Бромлеем политики в Институте этнографии, по крайней мере в области теории первобытности, втихомолку продолжали «расцветать все цветы». Можно было писать и, главное, печатать почти все, что ты думал по тому или иному вопросу. Именно это обстоятельство и побудило меня к тесному сотрудничеству с группой, а затем и с сектором истории первобытного общества.

Сам я по образованию историк: окончил исторический факультет Красноярского педагогического института (1951). После учебы на философском отделении курсов преподавателей общественных наук при Уральском университете (1952) стал учить студентов философии, разумеется, марксистской. И сразу же столкнулся с тем удручающим положением, которое сложилось в этой сфере к концу жизни И.В. Сталина. Тогда я еще не понимал, что уже с конца 1920-х годов марксизм в нашей стране был почти подменен видимостью марксизма – псевдомарксизмом²⁰. Но уже тогда мне было ясно, что вместо марксистской философии у нас преподносилось что-то очень мало похожее на какую бы то ни было философию. Всякая живая мысль была полностью убита. Философы в своих писаниях занимались в основном переливанием из пустого

в порожнее. Этот, выражаясь словами одного моего коллеги по философскому цеху – С.В. Илларионова, «словопомол» не прекратился и после смерти вождя. Кстати, он продолжается и сейчас, но если раньше занимались соединением и разъединением марксистских словечек, то теперь – немарксистских и антимарксистских. Хотя результат тот же самый – полная пустота. Поэтому я пытался в своей научной работе опереться на материал конкретных наук – как естественных, так и общественных. Одним из результатов моих изысканий была упомянутая выше книга «Возникновение человеческого общества» (1962).

Так как я работал в области философии и заведовал с 1962 г. кафедрой философии Рязанского медицинского института, то и представил свою книгу в качестве докторской диссертации в Институт философии АН СССР, в сектор исторического материализма. Мне пообещали в ближайшее время обсудить ее и решить вопрос о защите. Но шли месяцы, а решение вопроса под разными предлогами откладывалось. И в один прекрасный день ученый секретарь сектора, помяввшись, сказал: «Видите ли, беда заключается в том, что в вашей работе все рассматривается по существу. А нам этого не надо. Нам нужна философия». Я все понял: наша официальная философия – это когда все рассматривается не по существу.

Но как раз именно в этот день все решилось в мою пользу. В Институте этнографии я встретился с антропологом Г.Ф. Дебецом, который был знаком с книгой и знал о моем намерении защищаться в Институте философии. На вопрос, как обстоит дело с защитой, я повторил ему то, что было сказано мне буквально час назад. Реакция Г.Ф. Дебеца была мгновенной: «Ну что вы с этими кретинами связались. Защищайтесь у нас в Институте этнографии. Получите степень доктора, причем не болтологического, а исторических, то есть настоящих наук». Через неделю, после разговора с директором института С.П. Толстовым, он мне сообщил, что тот знаком с моей книгой и считает ее защиту вполне возможной. Через несколько недель состоялось обсуждение книги на заседании группы общей этнографии, а в июне 1963 г. – защита. Мне было крайне приятно прочитать в отзыве ведущей организации – Института антропологии МГУ, что за книгу вполне может быть присуждена ученая степень доктора не только исторических, но и биологических наук.

Возможно, Институт философии в конце концов все же принял бы мою книгу к защите. Но общего языка с философами я так и не смог найти. Все мои уже чисто философские работы, посвященные как теории познания, так и материалистическому пониманию истории чаще всего под тем или иным предлогом отклонялись. Одна причина была довольно ясна. Номенклатурные философские верхи считали меня ревизионистом и «путаником». Я еще в 1957 г. впервые в СССР после завершения первой дискуссии об азиатском способе производства и за 7 лет до начала новой дискуссии на эту тему выступил с критикой знаменитой «пятичленки» и привел доказательства в пользу существования на Древнем Востоке особой общественно-экономической формации, отличной от рабовладельческой²¹. Как отметил в одной из своих статей известный востоковед Л.Б. Алаев, который был не только очевидцем, но и участником происходивших в то время дискуссий, номенклатурные идеологи, столь рьяно пресекавшие любые попытки по-новому осмыслить марксизм, в перестроечные и особенно послеперестроечные годы куда-то исчезли, а многие из ранее гонимых «путаников» встали на защиту этого учения²². Добавлю к этому только одно: номенклатурные идеологи не исчезли, а в большинстве своем мгновенно превратились в столь же ярких критиков и гонителей марксизма. Яркие примеры – член политбюро и секретарь по идеологии ЦК КПСС акад. А.Н. Яковлев и заместитель начальника Главного политического управления Вооруженных Сил СССР генерал-полковник Д.А. Волгонов.

Кроме охарактеризованных выше противников у меня оказались идейные недруги и несколько иного рода. Вплоть до 1967 г. я жил в провинции – вначале в Красноярске, затем в Рязани, поэтому мне трудно сказать, когда это началось, но в 1960-е годы значительная часть молодых столичных философов была настроена крайне антимарк-

систски. И объяснить это можно. За марксизм они принимали псевдомарксизм, с которым постоянно и везде сталкивались. И эти люди составляли основную часть работников редакций философских журналов. Если для верхов я был ревизионистом, то для них – консерватором, реакционером. Если номенклатурные верхи раздражало, что я писал об азиатской формации, то для «низов» было совершенно неприемлемо, что я отстаивал идею общественно-экономических формаций, не отвергал, а разрабатывал материалистическое понимание истории. И чем лучше была написана моя статья, тем большую неприязнь она у них вызывала.

Некоторое время я об этом даже не подозревал. Но однажды меня просветил молодой работник редакции журнала «Вопросы философии». «Ваша статья, – сказал он мне, – написана чрезвычайно ярко и убедительно. Прочитав ее, многие придут к выводу, что теория общественно-экономических формаций верна, что она не только не противоречит новым историческим материалам, но, наоборот, с ними полностью согласуется. Тем самым ваша статья будет способствовать росту доверия к марксизму, чего допустить нельзя. Марксизм должен быть дискредитирован. Поэтому мы ее в журнал ни в коем случае не пропустим. Из статей по историческому материализму мы отбираем только самые дубовые, самые глупые, способные только окончательно скомпрометировать это учение. А если вы обратитесь за поддержкой к главному редактору, то мы ему скажем, что ваша статья является ревизионистской, что она направлена на подрыв марксизма».

Таких людей, как и представителей нашей идеологической знати, меньше всего интересовала истина. На этой почве они вполне сходились и выступали как союзники в борьбе с творческой марксистской мыслью. Для меня подобная позиция была абсолютно неприемлемой. Я считал тогда и считаю сейчас, что настоящий ученый должен руководствоваться только одним – поисками истины, независимо от того, кому она может быть полезна или вредна. В противном случае никакой науки не будет. Именно такого взгляда придерживались все настоящие марксисты. «...Правда, – писал В.И. Ленин, – не должна зависеть от того, кому она должна служить»²³. А еще раньше К. Марксом было сказано: «...Но человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами, – такого человека я называю "низким"»²⁴.

Кто-то может усомниться в истинности моего рассказа о том, что мне пришлось выслушать в редакции «Вопросов философии». Тогда я приведу слова известного философа М.К. Мамардашвили, работавшего именно в это время, т.е. в 1968–1974 гг., заместителем главного редактора названного журнала, произнесенные им, разумеется, уже во время перестройки, а точнее в феврале 1988 г.: «Скажем, в мое время на философском факультете – я окончил его в 1954 г. – всякий человек, который занимался историческим материализмом, был презираем... Сам знак того, что ты занимаешься болтовней, называемой историческим материализмом, свидетельствовал о том, что ты мерзавец. Хорошо это или плохо – другой вопрос. Но это была наша история. Время – которое все расставляет по местам»²⁵.

Помимо того, что это высказывание дает яркую характеристику духовной атмосферы, существовавшей в редакции названного журнала, оно свидетельствует также и о том, что М.К. Мамардашвили ничего не понимал в философии марксизма, ядром которой является именно материалистическое понимание истории. И хотя сейчас его пытаются объявить чуть ли не величайшим философом XX в., в действительности никакой философии у него вообще не было. Крайности сходятся: изданные сейчас сочинения М.К. Мамардашвили – образцы такого же пустословия, как и работы псевдомарксистских ортодоксов прошлых лет.

Пробить двойной барьер: ортодоксально-марксистский (точнее – псевдомарксистский) и антимарксистский оказывалось невозможно. На страницах «Вопросов философии» тогда можно было встретиться с любым недомыслием, включая самое антимарксистское, но в журнале никогда не появлялась свежая марксистская мысль. Воз-

возможность публикации философских работ была для меня почти полностью закрыта.

Надежда опубликовать работы по философии истории у меня возникла, когда после моего перехода из Рязанского медицинского института в Московский физико-технический институт (1967) М.Я. Гефтер в 1968 г. предложил мне работать по совместительству в секторе методологии истории Института всеобщей истории. Но через 2 года сектор упразднили, а подготовленный в нем и уже готовый к печати набор сборника по теоретическим проблемам истории, в котором была и моя большая статья, рассыпали. На память об этом у меня сохранилась верстка, правда, не всей книги, а лишь одной моей работы.

Каждый знает, что ученому работать в стол трудно, если вообще возможно. К началу 1970-х годов стало ясно, что писать и публиковать практически почти все, что я думаю, можно только в одной области – истории первобытного общества. С группой первобытной истории я был знаком и раньше и хорошо знал о сложившейся в ней обстановке. Руководитель группы А.И. Першиц был весьма заинтересован в том, чтобы привлечь меня к постоянному сотрудничеству. Но нужно было согласие Ю.В. Бромлей. Я уже говорил об осторожности последнего. Некоторое время он колебался: за мной тянулся хвост и самого активного участия в дискуссии об азиатском способе производства, причем на стороне противников официальной точки зрения, и работы в крамольном секторе методологии истории. Кроме того, я уже к тому времени прослыл «неуправляемым человеком»²⁶. Но Ю.В. Бромлей в конце концов это не остановило. И с 1972 г. я стал работать по совместительству в группе, а затем в секторе первобытной истории Института этнографии.

Сектор был невелик. Более или менее постоянное его ядро составляли шесть человек – А.И. Першиц, Л.А. Файнберг (1929–1993), Л.Е. Куббель (1929–1988), А.М. Хазанов, В.А. Шнирельман и я. С момента создания группы и вплоть до смерти в ней работал Б.О. Долгих (1904–1971). Кроме того, в секторе в разное время работали Б.А. Фролов, Н.Б. Тер-Акопян, О.Ю. Артемова, Е.И. Деревянко, Э.С. Годинер, К.П. Калиновская и В.Р. Кабо.

Деятельность любого научного учреждения или его подразделения во многом зависит от его руководителя, поэтому я никак не могу в своем повествовании обойти А.И. Першица. Как я уже указывал, группа первобытной истории была создана вскоре после прихода Ю.В. Бромлей к руководству институтом и, конечно, была оформлена его приказом. Но истинным инициатором создания группы, а затем ее преобразования в сектор был А.И. Першиц. Именно он подал эту идею Ю.В. Бромлею и убедил провести ее в жизнь. О мотивах, которые побудили директора согласиться на создание группы, было уже сказано достаточно. А теперь несколько слов о причинах, которые заставляли его на протяжении более чем двух десятилетий заботливо опекать сектор и создавать все условия для его работы.

Ю.В. Бромлей принадлежал к числу тех, нечасто встречающихся руководителей, которые не только не ограничивают деятельность своих подчиненных, но, наоборот, всеми силами помогают им выделиться и получить возможно большую известность в научном мире. Он не боялся соперников, не боялся, что его подчиненные своей славой затмят его. И дело не просто в том, что он был порядочным человеком. Он исходил из того, что славу руководителю научного учреждения создает хорошая работа этого учреждения, успехи в науке, достигнутые его сотрудниками. Чем больше в институте известных ученых, тем более он знаменит, а значит, и больше слава его руководителя.

Уже первые годы работы группы первобытной истории показали, что она способна принести институту славу. Именно поэтому Ю.В. Бромлей преобразовал ее в сектор и вообще всячески способствовал дальнейшему успеху его деятельности. И сектор полностью оправдал его надежды. Этот единственный в стране центр по изучению истории первобытного общества и проблем общей этнографии, просуществовав в течение почти четверти века, внес неоценимый вклад в историю отечественной и не только отечественной науки.

И главная заслуга в этом принадлежит А.И. Першицу, который подобрал коллектив из самостоятельно мыслящих и хорошо знающих свое дело исследователей и умело им руководил. Члены сектора были вольны придерживаться самых различных взглядов, причем не только по конкретным вопросам, но по проблемам общей теории и методологии истории. Одни члены сектора были убежденными сторонниками материалистического понимания истории, другие относились к нему скептически, предпочитая иные подходы, что не только не мешало, но, наоборот, способствовало успеху деятельности сектора. В коллективе царила атмосфера взаимного уважения и доверия. Заведующий сектором никому не пытался навязывать свою точку зрения. Он ограничивался лишь советами, к которым все прислушивались, но вовсе не обязательно принимали. А.И. Першиц был прекрасным критиком и замечательным редактором. Его редакторские замечания всегда оказывались к месту. Автор даже тогда, когда первоначально они были ему не очень по душе, тщательно продумав, приходил, в конечном счете, к выводу, что учет их будет в огромной степени способствовать улучшению работы.

Единственным исключением в достаточно дружном коллективе был, пожалуй, только В.Р. Кабо. В отличие от остальных он не был привлечен А.И. Першицем. Когда В.Р. Кабо перешел из ленинградской части института в московскую, казалось вполне естественным, что, по роду занятий, он должен быть зачислен в сектор первобытности. Но долго ужиться он здесь не смог и в конце концов ушел от нас в другое подразделение института, о чем никто не жалел.

Я бы не стал специально задерживаться на его личности, если бы уже в эмиграции он не опубликовал свои воспоминания под названием «Дорога в Австралию» (N.Y., 1995). В них он рассказывает не только о своем жизненном пути, который в молодости был осложнен трагедией – несколько лет по политическому обвинению автор провел в исправительно-трудовых лагерях, но и о положении, сложившемся в нашей этнографической науке в 1950–1980-е годы.

Насколько я знаю, пока никто другой из советских этнографов, работавших в эти годы, с мемуарами не выступил. И если такое положение сохранится, последующие поколения будут черпать сведения об этой эпохе развития нашей науки только из книги В.Р. Кабо. А между тем верить ему нельзя. Те разделы книги, которые посвящены положению в этнографии, содержат такое обилие и крупных, и мелких небылиц, что остается только удивляться.

Как сообщает автор, советская этнографическая наука в те годы находилась в состоянии полной деградации. И только единственный человек занимался подлинными научными исследованиями в этой области, ведя титаническую борьбу с массой ничтожеств и пигмеев, наделенных самыми низменными качествами. Читателю рассказывают о том, как в результате мощного натиска В.Р. Кабо даже самые закоренелые наши догматики вроде А.И. Першица и Ю.И. Семенова в 1970–1980 гг. «стыдливо перестали произносить слово "матриархат"»²⁷. Тому, кто знает, что совместная с А.Л. Монгайтом работа А.И. Першица, в которой авторы призывают отказаться от термина «матриархат», появилась в 1955 г., т.е. за 13 лет до выхода первой работы В.Р. Кабо, затрагивавшей этот сюжет, а мои работы с теми же мыслями – в 1958 и 1959 гг. Читать все это, конечно, смешно. Но ведь многие могут это принять всерьез.

Да что там А.И. Першиц! В.Р. Кабо не постеснялся облить грязью даже Ю.В. Бромля, который оказывал ему всевозможную поддержку, способствовал публикации его работ и обеспечил ему получение самой престижной в советском этнографическом сообществе награды – премии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Чего уже тогда говорить о С.П. Толстове, Ю.П. Аверкиевой, Д.Д. Тумаркине и других этнографах, с которыми мемуариста столкнула жизнь. Даже о своем единомышленнике и сподвижнике Н.А. Бутинове он выразился в манере известного гоголевского персонажа, который, характеризуя высший свет губернского города, сказал: «Один только там есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если правду сказать, свинья»²⁸.

Примерно две страницы посвящены в этой книге и моей персоне. Но если, говоря о других деятелях нашей науки, он касается главным образом их личных качеств, то меня он критикует в основном за мои взгляды и работы.

Интересно заметить, что высказывания В.Р. Кабо о моих работах в известной степени переключаются с тем, что когда-то я услышал в редакции «Вопросов философии». Вот что он пишет о моей книге «Возникновение человеческого общества»: «Она строилась по той же классической схеме, с первобытным стадом и матриархатом (кстати, никакого матриархата в ней и в помине не было. Я всегда был противником этой концепции, о чем писал неоднократно. — Ю.С.), но все это подавалось с таким размахом, смелостью, эрудицией, на которые не были способны московские этнографы. Толстов, тогда еще директор, привлек его в Институт этнографии как мощную творческую силу. Семенов обладал поразительным трудолюбием и продуктивностью, но все это сочеталось со спекулятивностью его научного метода и фантастичностью его реконструкций и теоретических построений. Его книги и статьи, оснащенные необъятным научным аппаратом, огромным фактическим материалом, организованные внешне очень логично, способны были произвести впечатление только на неискушенного читателя (т.е. еще не уверовавшего в святость положений, господствующих в западной этнологии. — Ю.С.), по существу же они были скорее фантастическими романами из первобытной жизни, рожденными его воображением и написанными с целью вдохнуть новую жизнь в изрядно обветшалую концепцию. И все это предлагалось в эффектной, наукообразной, сбивающей с толка форме, с необычным алломбом... С появлением Семенова догматизм, свойственный советской истории первобытности, не отталкивал больше своей провинциальной заскорузлостью, он был поднят на новую еще невиданную ступень — он стал полнокровным мифом. Семенова посылали с самыми ответственными докладами на международные конгрессы и конференции...»²⁹.

Так как все обвинения в фактологической несостоятельности моих работ не подкреплены никакими доказательствами, то останавливаться на них не буду. Я задержусь только на том, что В.Р. Кабо говорит по поводу отношений между мной и руководством Института этнографии, ибо это легко проверить. Без тени сомнения В.Р. Кабо утверждает, что С.П. Толстов привлек меня в институт как мощную творческую силу. В.Р. Кабо, по-видимому, не знает, да и знать не хочет, что я перебрался даже не в Москву, а в Подмоскowie только в 1967 г., спустя три года после того, как С.П. Толстов отошел от руководства Институте этнографии, причем это учреждение абсолютно никакого отношения к моему переезду не имело. Работать в Институте этнографии я стал лишь в 1972 г., причем в качестве совместителя. Другого положения я в нем никогда не занимал.

Еще одно столь же категорическое утверждение: Ю.И. Семенова «посылали с самыми ответственными докладами на международные конгрессы и конференции». Это тоже лестно, но только, увы, столь же неверно. Единственный международный этнографический съезд, в котором я принимал участие, это VII конгресс этнографических и антропологических наук, состоявшийся в августе 1964 г. в Москве. И на нем я выступал с обычным докладом на одной из секций. На всех последующих международных конгрессах я не только не выступал с ведущими докладами, но вообще в них не участвовал. Все сказанное В.Р. Кабо по этому поводу свидетельствует не столько о полете его фантазии, сколько о его пристрастии к слухам.

Но вернусь к основной теме. Чтобы представить, что было сделано группой, а затем сектором истории первобытного общества за два с небольшим десятилетия, я ограничусь перечислением вначале сборников, подготовленных в нем, а затем монографий, написанных его сотрудниками.

Сборники: «Разложение родового строя и формирование классового общества» (М., 1968. 356 с.), «Первобытное общество. Основные проблемы развития» (М., 1975. 286 с.), «Становление классов и государства» (М., 1976. 349 с.), «Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (Проблемы

исторических контактов)» (М., 1978. 301 с.), «Исследования по общей этнографии» (М., 1979. 279 с.), «Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества» (М., 1979. 168 с.), «Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе» (М., 1985. 253 с.), «Этнографические исследования развития культуры» (М., 1985. 263 с.), «Исследования по первобытной истории» (М., 1992. 236 с.). К этому списку следует добавить словарь «Социально-экономические отношения и соционормативная культура» (М., 1986. 239 с.), вышедший в серии «Свод этнографических понятий и терминов».

Теперь монографии: *Файнберг Л.А.* Очерки этнической истории зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия). М., 1971. 279 с.; *его же.* Индейцы Бразилии. Очерки социальной и этнической истории. М., 1975. 235 с.; *его же.* У истоков социогенеза: От стада обезьян к общине древних людей. М., 1980. 153 с.; *его же.* Охотники Американского Севера: Индейцы и эскимосы. М., 1991. 179 с. и его совместная с М.Л. Бутовской книга «У истоков человеческого общества. Поведенческие аспекты эволюции человека» (М., 1993. 255 с.); *Куббель Л.Е.* Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974. 431 с.; *его же.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. 270 с.; *Семенов Ю.И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974. 309 с.; *его же.* На заре человеческой истории. М., 1989. 319 с.; *его же.* Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1–3. М., 1993. XVI + 710 с.; *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. 343 с.; *его же.* Золото скифов. М., 1975. 143 с.; *Калиновская К.П.* Возрастные группы народов Восточной Африки. М., 1976. 159 с.; *ее же.* Очерки этнологии Восточной Африки. М., 1995. 359 с.; *Шнирельман В.А.* Происхождение скотоводства. М., 1980. 333 с.; *его же.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. 444 с.; *Годинер Э.С.* Возникновение и эволюция государства в Буганде. М., 1982. 152 с.; *Артемова О.Ю.* Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным). М., 1987. 197 с.; *Тер-Акопян Н.Б.* Первобытное общество: Проблемы теории и истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1991. 248 с.; *Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А.* Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1–2. М., 1994. 176 с. и 247 с. Н.Б. Тер-Акопяном была подготовлена к печати ранее никогда не издававшаяся на русском языке монография Л. Г. Моргана «Лига Ходеносауни, или ирокезов» (М., 1983.). А.И. Першиц – основной автор учебного пособия «История первобытного общества», выдержавшего к настоящему времени пять изданий (М., 1968, 1974, 1982, 1990, 1999, допечатка 2000 г. и 2001 г.). По нему уже треть века учатся студенты-историки.

Помимо монографий работниками сектора было написано множество статей, опубликованных в различного рода изданиях: журналах и сборниках – иных, чем те, что были подготовлены самим сектором и перечислены выше.

Сотрудники сектора впервые в нашей стране начали детальное исследование социально-экономических отношений, организации власти и системы норм первобытного общества. Ими были созданы фундаментальные труды в таких областях этнографической науки, как экономическая этнология (на Западе она именуется экономической антропологией), потестарная этнология (политическая антропология), нормативная этнология (правовая антропология).

Но, пожалуй, главным вкладом сектора в науку о первобытном обществе было создание первой и единственной в мире многотомной его истории. За всего лишь 5 лет вышло три тома – «Истории первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза» (М., 1983. 432 с.), «Истории первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины» (М., 1986. 573 с.); «Истории первобытного общества. Эпоха классообразования» (М., 1988. 565 с.). В них были подведены итоги исследований в этой области, которые велись не только в отечественной, но и в мировой науке. Этот трехтомный труд до сих пор остается самым авторитетным источником знаний в сфере первобытной истории.

В сборниках, подготовленных и изданных сектором, публиковались работы не только его членов, но и сотрудников других отделов института, а также иных научных и учебных заведений. Особенно много ученых было привлечено извне к подготовке всех трех томов «Истории первобытного общества». В этом смысле сектор был центром, вокруг которого объединялись многие отечественные ученые, занимавшиеся историей первобытности и общими теоретическими проблемами этнографии.

Речь у меня шла в основном лишь о работе сектора истории первобытного общества. Но, как уже отчасти было сказано, исследованием проблем первобытной истории занимались сотрудники и других подразделений московской части Института этнографии: это уже упоминавшийся С.А. Токарев, а также Ю.П. Аверкиева, С.И. Вайнштейн, Б.А. Гарданов, Б.А. Калоев, Я.С. Смирнова, Н.Н. Чебоксаров, Д.Д. Тумаркин, М.В. Крюков, И.С. Гурвич, Ю.Б. Симченко, Д.В. Васильев, З.П. Соколова.

В Ленинградской части Института в эти годы над проблемами первобытной истории работали кроме упоминавшихся выше Л.П. Потапова, Д.А. Ольдерогге также А.А. Попов, Е.Д. Прокофьева, И.С. Вдовин, Ю.М. Лихтенберг, А.М. Решетов, Г.М. Василевич, Е.А. Алексеенко, Л.В. Хомич, Ч.М. Таксами, В.А. Попов, Ю.М. Маретин, С.А. Маретина, Ю.Ю. Карпов. Не перечисляя работ отдельных авторов, отмечу, что в Ленинграде были изданы сборники «Охотники. Собиратели. Рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе» (Л., 1972) и «Ранние земледельцы. Этнографические очерки» (Л., 1980).

Разумеется, немало исследователей первобытности трудилось за пределами Института этнографии и вообще академических учреждений обеих столиц, а также в периферийных научных центрах и высших учебных заведениях (Кавказ, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Средняя Азия). Но рассмотрение их деятельности выходит за рамки, определенные названием моей статьи.

Примечания

¹ У нас слово «история» применяют для обозначения как самого исторического процесса, так и науки о нем, что создает определенные неудобства. В дальнейшем изложении я буду использовать слово «история» только в первом смысле, а для обозначения исторической науки употреблять термин «историология».

² См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 205–206, 210–211.

³ Rivers W.H.R. On the Origin of the Classificatory System of Relationship // *Anthropological Essays Presented to E.V. Tylor*. L., 1907.

⁴ Семенов Ю.И. Проблема начального этапа родового общества // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. Кн. 1. М., 1968. С. 174–175.

⁵ White L.A. The Concept of Evolution in Cultural Anthropology // *Evolution and Anthropology. A Centennial Appraisal*. Wash., 1959. P. 109.

⁶ Rivers W.H.R. On the Origin of the Classificatory System of Relationship // *Rivers W.H.R. Social Organization*. L., 1932. P. 55–59, 66–68, 78–81, 183–184.

⁷ Murdock G.P. *Social Structure*. N.Y., 1949. P. 218.

⁸ См.: Семенов Ю.И. Проблема перехода от материнского рода к отцовскому // *Сов. этнография* (далее – СЭ). 1970. № 5; *его же*. Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиаций у аборигенов Австралии // СЭ. 1971. № 6 и др.

⁹ Murdock G.P. *Op. cit.* P. 190, 206, 207, 216, 217.

¹⁰ Кабо В.Р. Дорога в Австралию. N.Y., 1995. С. 254–256.

¹¹ Кабо В.Р. Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам) // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. Кн. 1. М., 1968. С. 228, 237, 249.

¹² Там же. С. 230.

¹³ Meggitt M.J. *Desert People. A Study of the Walbiri Aborigines of Central Australia*. Melbourne, 1962. P. 24, 28–29

¹⁴ См.: Семенов Ю.И. Рец. на книгу: Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968 // СЭ. 1969. № 3.

¹⁵ См. об этом: Семенов Ю.И. По поводу рецензии В.М. Бахты // *Народы Азии и Африки*. 1971. № 3; *его же*. Рецензия на книгу: Гиренко Н.М. «Социология племени». Л., 1991 // *Этнограф. обозрение* (далее – ЭО). 1992. № 5; *его же*. О различии между доказательством *ad veritatem* и *ad hominem*, о некоторых

моментах моей научной биографии и эпизодах из истории советской этнографии и еще раз о книге Н.М. Гиренко «Социология племени» // Там же. 1994. № 6.

¹⁶ *Аверкиева Ю., Перишц А., Файнберг Л., Чебоксаров Н.* Еще раз о месте материнского рода в исто рии общества (по поводу статьи Н.А. Бутинова «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи») // СЭ. 1963. № 3. С. 200–201.

¹⁷ *Бутинов Н.А.* Письмо в редакцию // СЭ. 1965. № 5; *Кабо В.Р.* Письмо в редакцию // Там же.

¹⁸ См. об этом: *Тумаркин Д.Д.* Четырнадцать лет в «Советской этнографии» (из воспоминаний заместителя главного редактора журнала в 1966–1980 гг.) // ЭО. 2001. № 4. С. 20–26.

¹⁹ Эти взгляды впоследствии были подробно изложены в работе: *Семенов Ю.И.* Россия: Что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993.

²⁰ См. по этому вопросу: *Семенов Ю.И.* Россия:...

²¹ См.: *Семенов Ю.И.* К вопросу о первой форме классового общества // Уч. зап. Красноярского гос. пед. ин-та. Т. 9. Вып. 1. 1957.

²² *Алаев Л.Б.* Материалистическое понимание истории в обороне // Восток. 1995. № 2. С. 41.

²³ *Ленин В.И.* Письмо Е.С. Варге 1. IX. 1921 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 446.

²⁴ *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть вторая (главы VIII–XVIII) // *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. 26. Ч. II. С. 125.

²⁵ *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М., 1992. С. 364.

²⁶ Как мне сказали, именно такая характеристика была дана в отделе печати ЦК КПСС, когда дирекция Института этнографии вознамерилась предложить меня в качестве кандидата на должность главного редактора журнала «Советская этнография».

²⁷ *Кабо В.Р.* Дорога в Австралию. С. 271. См. также с. 253–255.

²⁸ См. там же. С. 228–230.

²⁹ Там же. С. 254–255.

Yu. I. S e m y o n o v. Elaboration of the problems of history of primitive society at the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in «the epoch of Bromley» (recollections and thoughts)

This article is devoted to an episode from the history of Soviet ethnographical science of the post-war period. It examines the development of studies in the history of primitive society after 1953, the revision of many premises that had previously exercised complete sway in the Soviet science of primitive state, and the discussions of the time on major theoretical issues. A special attention is given to the period when Director of the Institute of Ethnography was Yu.V. Bromley (1966–1989). In 1967 a group on research of the history of primitive society headed by A.I. Pershitz was set up at the Institute and in 1974 it was transformed into a full-fledged sector. The author, who has been working at this sub-unit of the Institute since 1972, tells of the creative atmosphere that prevailed there, and of the great contribution its research fellows made into the development of science of primitive societies. The Sector's successful work was much due to the all-round assistance invariably offered by Yu.V. Bromley.